

Растягаев А. В.

[К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII В. В ВУЗЕ](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-2/52.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. II. С. 125-127. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-2/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

- Сведения о ситуации понимания автора (исследователь ставит себя в позицию адресата).

Мы провели сравнительный анализ комментариев к изданиям первого тома «Саги о Форсайтах» Дж. Голсуорси «Собственник» за 1956 и 1975 гг. Общее количество комментариев в издании 1956 составило 195 объектов, что на 78 меньше, чем в издании за 1975г (273). Полученные комментируемые объекты можно разбить на несколько отличных друг от друга рубрик:

- Топонимы: The Bayswater Road, Highgate, Kensington.
- Экзотизмы: Entr'acte, mais enfin - qu'est-ce que tu fais là - danser, le dimanche! Viens, donc!, début.
- Мифологизмы: Delilah, Orpheus, "Open, sesame", in toto.
- Грамматические нарушения: have Plummers got leggers, Mother? I dunno what to make of 'im.
- Фразеологизмы: The grey mare was the better horse, to be off one's bargain.
- Культурно-исторические справки: the London Season, the Married Women's Property Act, freehold.
- Реалии: St. Paul's, Marlborough, Pall Mall, Drury Lane.
- Персоналии: William Morris, Wagner, Edward Garnet, Tacitus.
- Аббревиатуры: Q.C., R.S.V.P.

Мы также проанализировали те комментируемые объекты, которые представлены либо только в издании 1956 года, либо только в издании 1975 года. В издании 1975г среди комментируемых объектов, по сравнению с изданием 1956г, отсутствуют следующие объекты: mot, eau-de-cologne, caught out, Kenington.

Наличие же большего числа комментируемых объектов в издании за 1975г., чем в издании за 1956 г., можно объяснить тем, что, возможно, составитель комментариев полагает, что данные понятия не фиксируются в словарях, либо по частотности употребления находятся на последнем месте.

Помимо своей основной роли - обеспечение понимания исходного текста, комментарий, как свидетельствует практический материал, выполняет еще одну функцию, ставшую особенно актуальной в настоящее время. Комментарий в этом случае служит средством метаязыковой рефлексии. Комментарий выносит в комментарий те единицы, которые значимы по разного рода причинам в жизни конкретного автора, данного лингво-культурного сообщества или в целом мировой культуры. Комментарий есть проявление языковой рефлексии, и в этом смысле анализ комментируемых единиц позволяет очертить круг тех областей, которые подвергаются рефлексивному осмыслению в конкретные исторические промежутки и вызывают резонанс и реакцию языковой личности [Васильев 1988: 202].

Анализ комментария позволяет экстраполировать полученные сведения для составления новых комментариев для иных адресатов. В частности, в нашем случае анализ показал, что комментаторы «Собственника» в первую очередь обращали внимание на такие особенности языковой картины мира, как географические реалии, а также фразы и обороты речи, нуждающиеся в подробном переводе. Именно в географическом аспекте возникают разногласия фоновых знаний адресатов и комментаторов. Естественно предположить, что именно эти языковые и культурные проблемы в первую очередь нуждаются в комментарии.

Список использованной литературы

1. **Богин Г. И.** Типология понимания текста. - Калинин, 1986.
2. **Васильев С. А.** Синтез смысла при создании и понимании текста. - Киев: Наук. думка, 1988.
3. **Гаспаров М. Л.** Лотман и проблема комментирования // НЛЮ. – 2004. - № 66.

Список источников

1. **Голсуорси Дж.** Сага о Форсайтах: Собственник. - Гос. изд. худ. лит-ры, 1956.
2. **Голсуорси Дж.** Сага о Форсайтах: Собственник. - М., 1975.

К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII В. В ВУЗЕ

Растягаев А. В.

Самарский государственный педагогический университет

Предшествующая филологическая традиция чрезвычайно сильно ориентировалась на навязывание шаблонов и ярлыков. А. Н. Радищев - «первый русский революционер», Д. И. Фонвизин - «сатиры смелый властелин» и т.д. Анализ художественных текстов редко выходил за установленные идеологические рамки. К сожалению, эта традиция жива до сих пор. Совсем недавно на предзащите докторской диссертации «Агиографическая традиция в русской литературе XVIII в.: проблема генезиса и жанровой трансформации» уважаемый преподаватель-«восемнадцативечник» классического университета сказал: «Что это Вы исследуете «Рассуждение о суетной жизни человеческой...», «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях», «Жизнь Н. И. Панина»? Разве это Фонвизин? Надо исследовать магистральные произведения писателя! Фонвизин - это автор «Недоросля» и «Бригадира»!»! Проведенный в рамках докторского исследования анализ «немагистральных» произведений позволяет утверждать их программный характер в творчестве Д. И. Фонвизина. Обратимся конкретно к «Рассуждению о суетной жизни человеческой (на случай смерти князя Потемкина-Таврического)».

Последние голы жизни Фонвизина - период, наиболее закрытый для исследователей. Осталось очень мало документальных свидетельств и точно установленных фактов. Доподлинно известно лишь то, что за год до смерти Фонвизин возвращается к проекту издания полного собрания сочинений. Предыдущая попытка в мае 1788 г. по неизвестным причинам потерпела неудачу. Несмотря на заграничное лечение 1789 г., здоровье Фонвизина не улучшилось: к нарывам и опухолям на языке прибавляются новые испытания - череда апоплексических ударов, приведшая к частичному параличу и потере способности говорить. Ухудшение состояния здоровья писателя, изнуряющие физические мучения становятся важным экстралитературным фактором при анализе его мемуарных произведений.

«Рассуждение...» - непосредственный отклик на неожиданную смерть князя Г. А. Потемкина по пути из Ясс в Николаев в октябре 1791 г. Смерть Потемкина произвела неизгладимое впечатление на современников. Державин, создавший сатирический портрет Потемкина в оде «Фелица», был после смерти князя «заввачен контрастом высоты и падения фаворита, пережившего свою власть» [Лотман 2001: 256].

Фонвизин в «Рассуждении...» проходит мимо военных заслуг, орденов, титула князя Священной Римской империи, которого Потемкин был удостоен в 1776 г. Для писателя Потемкин - честолюбец, который в XVIII в., пытаясь возродить традицию античной личной славы, способен лишь растратить за десятилетие огромные богатства. В отличие от добродетели допетровского времени, когда было важно не посрамить род, упрочить славу предков и передать потомкам в наследство материальное богатство и честное имя, во второй половине XVIII столетия утверждается идеал личного наслаждения. Для Фонвизина Потемкин - антиидеал, поскольку его фигура стала живым воплощением расточительства и развращенности.

В первом предложении - «Внезапная кончина вельможи, восшедшего на самый верх могущества и славы, привела мне на память некоторые места из священных творений царя Давида» [Фонвизин 1959: 79] - упоминается имя царя Давида и Псалтирь. Они задают оппозицию всего произведения, в основу которой положен принцип отрицательного параллелизма. Основная псалтырная антиномия *праведники / грешники* реализуется в фонвизинском тексте через противопоставление священных творений Давида, богодухновенного мужа, суетным делам Потемкина, могущественного князя.

Первая псалтырная цитата, к которой обращается Фонвизин, отрывок из Псалма 36: «... *видех человека яко кедры ливанския; мимо идох - и се не бе!*» [Фонвизин 1959: 79]. Исходный тематический ключ содержит совершенно определенный библейский подтекст. Для автора «Рассуждения...» князь Потемкин - нечестивец, справедливо наказанный Богом за тщетные устремления к земной славе и богатству. Напротив, Спасение и жизнь вечная возможна лишь в праведном житии, непорочных помыслах и уповании на Бога.

Продолжает текст «Рассуждения...» цитата из 48 Псалма, которая Развивает логику фонвизинского повествования: «... *всегда умрети ему, не возьмет вся; ниже снидет с ним слава его*» [Фонвизин 1959: 79]. Вновь библейский подтекст открывает финал исходного псалма: «Не бойся, когда богатеет человек, когда слава дома его умножается: ибо умирая не возьмет ничего; не пойдет за ним слава его; хотя при жизни он ублажает душу свою, и прославляют тебя, что ты удовлетворяешь себе, но он пойдет к роду отцов своих, которые никогда не увидят света. Человек, который в чести и неразумен, подобен животным, которые погибают» [Пс. 48. 17-21].

Третья библейская цитата, расширяющая семантическое поле «Рассуждения» - «*суета суть помышления человеческая!*» Фонвизин ссылается на имя царя Давида как автора этого изречения. Однако цитата соотносит текст фонвизинского повествования с более широким библейским контекстом. В Псалтири семантически с ней перекликаются 93 и 118 псалмы: «Господь знает мысли человеческие, что они *суетны*. Блажен человек, которого вразумляешь Ты, Господи наставляешь законом Твоим, чтобы дать ему покой в бедственные дни, доколе нечестивому выроется яма!» [Пс. 93. 11-13] и «Укажи мне, Господи путь уставов Твоих, и я буду держаться его до конца. Вразуми меня. И буду соблюдать закон Твой и хранить его всем сердцем. Поставь меня на стезю заповедей Твоих, ибо я возжелал ее. Приклони сердце мое к откровениям Твоим, а не к корысти. Отврати очи мои, чтобы *не видеть суеты*; животвори меня на пути Твоем» [Пс. 118. 33-37].

Подобно средневековым текстам, «Рассуждение...» обретает «специфическую двусложную структуру: с одной стороны, наличествует пласт конкретный, со своей проблематикой, сюжетикой, образностью; с другой - пласт символический, с обязательным средневековым теоцентризмом» [Луцевич 2002: 55]. Конкретный случай смерти князя Потемкина становится отправной точкой для порицания творящих беззаконие и печалющихся о скоропостижной кончине своего всевластного покровителя: «О вы, обманувшиеся в надежде будущего своего счастья пресечением жизни преставльшегося вельможи! Вы негодуете теперь на то, для чего не успел он совершить истинного вашего счастья; но ужели забыли вы, что преселившийся ныне в вечную жизнь благодетель ваш не имел силы ни на одно мгновение ока отдалить конца своего?» [Фонвизин 1959: 80]. Печаль приспешников умершего вельможи греховна, поскольку исполнена лукавства и своекорыстия. Поэтому автор «Рассуждения...» не только укоряет их за гнев бессилия, но и ссылается на 145 псалом, придавая собственному обличению грешников вневременной контекст, подкрепленный авторитетностью Священного Писания: «Не сами ль вы виноваты, не внемля остерегавшего пророка, глаголавшего сие: *не надейтесь на князи и на сыны человеческия, в них же несть спасения: изыдет дух его, и возвратится в землю свою; в той день погубит вся помышления его*» [Фонвизин 1959: 79]. Хвала Богу, сотворившему небо и землю, в 145 псалме соотносена с тщетой князей мира сего, чья власть ограничена лишь временем их жизни.

Фонвизинское «Рассуждение...» лишено панегирического пафоса. Оно представляет собой прощание с христианином в соответствии с православным обрядом. Цитата из Псалтири вновь становится авторитетной

мерой оценки дел и помышлений Потемкина, чья смерть «являет, что слава мира есть суетна: *и да не приложит к тому величаться человек на земли*» [Фонвизин 1959: 79].

Финальная часть 9 псалма, направленного против язычников, думающих о славе земной в ущерб истине, ставит точку в размышлениях Фонвизина о смерти всесильного современника. Конец жизни становится в тексте «Рассуждения...» началом интроспекции автора. Рассуждение Фонвизина о себе самом - молитва, обращенная к Богу и исполненная кротости и смирения: «Всем, знающим меня, известно, что я стражду сам от следствия удара апоплексического; не более как в течение года поразили меня четыре таковых удара; но господь, защитник живота моего, всегда отвращал вознесшуюся на меня злобу смерти» [Фонвизин 1959: 80]. Автор «Рассуждения...» бесконечно благодарен за предостережение от суетной славы и различных действий, способных помешать спасению души. Подражая Иову как образцу естественной праведности и идеалу примерной покорности, Фонвизин прибегает к скрытому использованию топики Книги Иова. Мучительная болезнь воспринимается автором «Размышления...» одновременно как тяжкий крест и как знак Божьего милосердия. Неслучайно Фонвизин заканчивает свое произведение цитатой из 118 псалма [Пс. 118. 71]: «...господи! *Благо мне, яко смирил мя еси!*» [Фонвизин 1959: 80] Она представляет собой описание жизни «святых, подвиги их, скорби, труды...», а вместе с тем и то, чем святые одерживают победу: Закон, словеса Божии, терпение, помощь свыше, и, наконец, что последует за трудами, награды, венцы, воздаяния». *Благо мне, яко смирил мя еси*. Как бы так говорит: благодушествоую в немощах, в оскорблениях, в нуждах, в гонениях, в теснотах, только бы явиться достойным оправданий Твоих, ища того, чему иначе и научиться невозможно» [Афанасий Великий, псалом 118. 71].

Таким образом, для русского писателя традиционная иерархия *Божественного / человеческого* и в век Просвещения не утратила своей актуальности. Религиозность Фонвизина, особенно в последние годы жизни, была определяющим качеством его автобиографических произведений.

Список использованной литературы

1. **Афанасий Великий.** Толкование на псалмы. - http://www.krotov.info/acts/04/1/af_alps_118.html
2. **Лотман Ю. М.** Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII - начало XIX века). - СПб.: Искусство-СПБ, 2001. - 415 с.
3. **Луцевич Л. Ф.** Псалтырь в русской поэзии. - СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. - 608 с.
4. **Фонвизин Д. И.** Жизнь графа Никиты Ивановича Панина // Собрание сочинений в 2 т. - М.-Л.: ГИХЛ, 1959. - Т. II.

ДЕКОМПРЕССИЯ И КОМПРЕССИЯ СМЫСЛОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ (ОПЫТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА)

Рябова М. В.

Благовещенский государственный педагогический университет

Каждый человек в значительной мере формируется той культурой, в которой он живёт, но каждая культура сформирована своим собственным способом, так как она воплощает в себе специфический опыт социальной практики конкретного сообщества, который придаёт ей неповторимые черты. Своеобразие культуры получает своё завершение в культурной картине мира, то есть в совокупности знаний и представлений о ценностях, нормах, нравах, менталитете собственной культуры и культур других народов. Эти знания и представления придают культуре каждого народа самобытность, благодаря которой можно отличить одну культуру от другой. Совокупность механизмов общения культур принято называть межкультурной коммуникацией.

В общем смысле это явление можно понять как некую идеальную цель, к которой необходимо стремиться, чтобы лучше адаптироваться к окружающему миру. Другими словами, межкультурная коммуникация - это своеобразный «диалог культур» [Тер-Минасова 2000: 14]. Трудности, возникающие при межкультурном общении, обусловлены тем, что определённой социальной группе всегда присуща отдельная система культурных ценностей, а каждый представитель культуры является одновременно членом нескольких социальных групп, обладающих доминирующими идеологиями [Персикова 2002: 55-57]. Основной лингвистической проблемой межкультурной коммуникации традиционно считается асимметрия языковых картин мира, проявляющаяся на всех уровнях языковой системы. Своеобразное отражение действительности представителями разных лингвокультурных общностей проявляется в их языках и неизбежно приводит к определённым затруднениям при общении, так как через язык формируется тип отношения человека к миру, задаются нормы поведения и определяется его отношение к реальности.

Расширение международных контактов во всех сферах человеческого общения и повышение интереса к изучению процесса межкультурной коммуникации способствовали актуализации новой, культурологической, парадигмы переводоведения, так как перевод, как вид духовной деятельности человека, всегда играл важную роль в истории культуры отдельных народов и мировой культуры в целом.

Суть культурологической концепции перевода состоит в том, что перевод не может оставаться «вечным» заместителем оригинала, так как с течением времени культурные и языковые модели могут меняться, однако он всегда имеет место там, где есть межкультурное общение, при котором переводчик выполняет функцию посредника.